

А.А. Сычев

УДК 174

**Профессор как моральный характер:
история и современность**

Аннотация. Статья посвящена проблеме морального характера, под которым понимается социальная роль, налагающая на человека обязательства нравственного характера. Моральные характеры представляют устойчивые и легко узнаваемые образцы поведения, с которыми соотносят свои действия окружающие. Врач, ученый, учитель – наиболее узнаваемые и яркие примеры подобных характеров. В системе моральных образов особое место занимает характер профессора, синтезирующий образы ученого и учителя. Кроме того, профессору предъявляются повышенные моральные требования, поскольку предполагается, что он выполняет важную социальную миссию. Сегодня эта миссия оказывается все менее востребованной. Массовизация, коммерциализация и бюрократизация высшего образования обесмысливают и обесценивают его труд, а стремление к истине уже не кажется достаточным обоснованием его деятельности. В этих условиях профессор не способен функционировать как моральный характер, поскольку без четких ценностных оснований он теряет возможность формулировать цели своей деятельности и вынужден концентрироваться только на эффективных средствах и техниках достижения целей, поставленных государством и рынком. Возрождение морального авторитета профессуры возможно только при условии восстановления пространства академической свободы, дающей профессурам надежду самостоятельно формулировать цели своей деятельности.

Ключевые слова: моральный характер, моральный авторитет, врач, ученый, учитель, профессор.

Один из вопросов, который А. Макинтайр затрагивает в книге «После добродетели», касается моральных характеров. Слово «характер» в этом сочетании понимается одновременно в двух смыслах: как определенная конфигурация нравственно значимых качеств личности и как способ художественно-социальной типизации, обычно используемый для создания литературных или драматургических образов.

В целом моральный характер – это социальная роль, исполнение которой налагает на человека обязательства нравственного характера. Она предполагает совершение действий, вписанных в определенную систему ценностей и согласующихся с ожиданиями окружающих. Анализируя подобные роли, всегда можно реконструировать целостную систему воззрений, убеждений, доктрин, теорий,

стоящих за ней. «Характеры – это маски, которые носят моральные философы», – пишет Макинтайр [8, 44].

Моральные характеры представляют устойчивые и легко узнаваемые образцы поведения, с которыми соотносят свои действия окружающие. С этой точки зрения они не только отражают определенную систему убеждений, но и демонстрируют, как эти убеждения могут наилучшим образом выразиться в реальном поведении, то есть олицетворяют моральный идеал в характере и поступках. Закрепление в традиции конкретных примеров моральных характеров способствует переходу от знаний о морали к моральным действиям и потому играет значимую роль в процессе морального развития.

Макинтайр утверждает, что «центральной спецификой каждой культуры по большей части является специфика набора ее характеров. Так, культура викторианской Англии частично определялась характерами директора публичной школы, исследователя и инженера; в кайзеровской Германии она подобным же образом определялась такими характерами, как прусский офицер, профессор и социал-демократ» [8, 44].

Многие основатели религиозных учений, пророки, святые, создатели этико-философских систем, чья жизнь стала для последователей образцом добродетельного поведения – Конфуций, Будда, Иисус, Сократ, Кант и т.д. – также могут рассматриваться в качестве моральных характеров особого рода, идеальных образцов поведения. А. А. Гусейнов пишет, что «их биографии стали своего рода позитивной нравственной программой, ... жизнеучения великих моралистов доказали высокую степень действенности, закрепившись в культуре в форме устойчивой, долговременной традиции» [5, 58].

Кроме того, моральный характер способен выражаться в действиях не только реальных людей, но некоторых литературных или кинематографических образов (например, Дон Кихота или Дон Жуана), в чьих действиях явно «просматриваются соответствующие ценностные установки и предпочтения, некая „этика”» [1, 5].

Конкретные учителя человечества, типовые литературные персонажи, так же, как и фигуры, отражающие специфику национальных культур, могут быть рассмотрены в качестве вариаций на тему общих моральных характеров, являющихся достоянием если не всего человечества, то большей его части. Врач, ученый, учитель – наиболее узнаваемые и яркие примеры подобных «глобальных» характеров.

Мораль является конституирующим основанием образа врача в культуре. Медицинскую деятельность неверно сводить исключительно к знаниям, навыкам и методам. Реальная граница между медицинской и прочими практиками проходит в пространстве не фактов, а

ценностей. Особенно четко выраженной эта граница была на стадии формирования медицины (приблизительно в середине первого тысячелетия до нашей эры), когда лечением заболеваний занимались (или претендовали на это) разнообразные целители, травники, жрецы, шаманы и т.д. Деятельность врача Косской школы по своей эффективности вряд ли превосходила практики народных целителей, учитывая, что основывалась она на таких же далеких от научности предпосылках, как и шаманизм (например, на гуморальной теории). То, что действительно отличало медицину от всех прочих практик врачевания – это ограничения и обязательства морального плана, которые должен был принять на себя врач. Травники или шаманы могли готовить лекарства и принимать роды. Но они с равной эффективностью могли изготавливать яды и делать аборт: ни профессия, ни общество не предъявляло к ним четко выраженных требований морального плана. Врач же, согласно клятве Гиппократова, обязан только лечить и не вправе совершать какие-либо действия, которые можно ассоциировать с вредом и убийством, включая аборт и эвтаназию.

Предпосылкой успешной медицинской практики является высокая степень доверия к врачу со стороны пациентов. Использование медицинских знаний во вред уничтожает это доверие и наносит удар по престижу всей профессии. С этой точки зрения профессиональные знания врача имеют ценность лишь в той мере, в которой он является обладателем высоких моральных качеств. Именно добровольный отказ от свободы действий, принятие на себя моральных ограничений (не вредить, не убивать, хранить врачебную тайну и т.д.) фактически создали профессию врача.

Идеальный образ врача в общественном сознании – это человек, ограничивающий себя ради блага других. К образцовым моральным характеристикам такого рода можно отнести Альберта Швейцера, Федора Петровича Гааза и др.

Ценностные аспекты в привычных дефинициях другого морального характера – *ученого* также, как правило, отсутствуют. Источником этого образа в Европе является фигура античного философа, представления о котором изначально также не имели четко выраженных моральных коннотаций. По крайней мере, у жизнеописателя знаменитых философов Диогена Лаэртского греческие мудрецы описаны как «банальные моралисты, хитрецы и злодеи, а то и развратники» [7, 23]. Знания философа не нуждались в моральном обрамлении; согласно Лаэртию даже «среди академических этиков не было не только людей с какими-нибудь этическими или вообще философ-

скими убеждениями, но и по своему поведению они были достаточно далеки от высокой морали» [7, 19].

Решающий вклад в изменение этих представлений внес Сократ. Он не только провозгласил тождество знания и морали, но и доказал его на примере собственной жизни и смерти. Наиболее методичными последователями Сократа (и ввиду этого – самыми яркими моральными характерами античности) стали киники, которые доказывали свои идеи исключительно на личном примере. Своим образом жизни они демонстрировали, что истинное знание нельзя оторвать от морали. Когда в Европе начали возрождаться идеалы античности, судьбу Сократа повторил Джордано Бруно. Казнь Бруно показала, что научная истина может быть ценностью, ради которой ученый способен пойти на смерть. Во многом эта позиция определила ценностную доминанту науки Нового времени. Ее целью стало приумножение достоверного знания как условия прогрессивного развития и самоотверженная борьба с невежеством и предрассудками. Эта доминанта заложила основания этики ученого, стала основанием «научной совести».

Не менее важную роль в развитии культуры сыграл моральный характер *учителя*. В Европе формирование этого образа связано с появлением философских школ, которые транслировали из поколения в поколение знания в системном виде. К эпохе классической античности оформились представления о том, что задачей учителя является не только передача специальных знаний в готовом виде, но интеллектуальное и нравственное развитие ученика. Сократ и Гиппократ – классические примеры учителей подобного рода.

Поскольку учитель отвечает за формирование нравственных качеств, предполагается, что он и сам должен быть человеком высоких идеалов, образцом для подражания. Педагогическая этика предъявляет учителю целую систему требований, специфичных для этой профессии (точнее, призвания) – любовь к ученикам, тактичность, авторитетность, справедливое отношение к ним и т.д. При этом ответственность учителя за учеников способна доходить до прямой жертвенности. Самым ярким и последовательным выражением морального характера учителя является образ Януша Корчака, последовавшего за своими воспитанниками в газовую камеру. Широкий спектр образов учителей, демонстрирующих примеры морального поведения, переходящего в подвижничество, представляет литература (достаточно вспомнить «Уроки французского» В. Распутина и «Обелиск» Василя Быкова).

Конечно, существуют конкретные примеры врачей, ученых, педагогов, игнорирующих требования профессиональной морали. Од-

нако во всех подобных случаях отказ от этической системы, определяющей характер, становится одновременно отказом от самой идеи профессии и ее целей. Йозеф Менгеле – не тот человек, к которому следует идти лечиться, руководствуясь книгами Николая Марра, нельзя выучить языкознание, а учитель истории литературы Гнус вряд ли воспитает в своих учениках что-либо, кроме отвращения к предмету.

Характер *профессора* занимает особое место в системе моральных образов. Это сложный составной характер, который синтезирует образы ученого и учителя, (а в случае Альберта Швейцера или Карла Фукса может включать в себя и образ врача). Кроме того, предполагается, что профессор – это не просто специалист, а специалист высококлассный, имеющий право говорить от имени науки и образования.

Представления о современном профессоре оформились с появлением гумбольдтовской модели классического университета, предполагающей сочетание образовательной и исследовательской деятельности, академическую свободу, подотчетность перед обществом. В этом контексте оформились основные обязанности профессора как выразителя духа классического образования – проведение исследований, передача знаний ученикам, участие в академическом самоуправлении, просветительская деятельность.

Гумбольдтовская модель стала попыткой реализовать идеалы Просвещения в образовании, и профессору в этом процессе была уготована центральная роль. «Профессура, пишет Е.В. Беляева, – является институтом эпохи Модерна и воплощает все базовые ценности этого дискурса: разум, от имени которого и выступает профессор; профессионализм, состоящий в постоянном совершенствовании в сложной специализированной деятельности и предполагающий исполнение особой, этически нагруженной миссии, а также поддержание эталона нравственного поведения. Общественное мнение неизменно приписывало профессорскому сообществу высокие добродетели независимо от морального облика отдельных его представителей» [3, 99].

В.И. Бакштановский и М.В. Богданова называют ведущую ценностную доминанту профессорской деятельности «служением в профессии». Служение предполагает искреннюю веру в высокую социальную миссию своей деятельности, стремление к работе на вечность, полную самоотдачу. При этом высокая квалификация накладывает на профессора, в отличие от обычного ученого или учителя, дополнительную ответственность: «университетский профессионал не только исполняет работу в рамках элементарной порядочности,

которая обращена к каждому человеку, но готов поднять планку моральных требований к себе» [2, 25]. Классический идеал профессора – это человек, преданный науке и обществу, ставящий долг служения профессии выше своих интересов,

Вильгельм фон Гумбольдт, разрабатывая свою модель университета, ориентировался не только на философские теории, но и на конкретные образы профессоров. Для него образцом был, прежде всего, Иммануил Кант, не только реформировавший философию, но и создавший такую интеллектуальную атмосферу, в которой наука развивалась, процветала и обладала широким общественным признанием.

При этом Кант был не только теоретиком морали: он воплощал определенный тип морального характера, соответствующего этой теории. А. Гулыга пишет: «Кант-моралист и Кант-человек – одно и то же, ...в общем и целом его поведение соответствовало тому идеалу внутренне свободной личности, который он набросал в своих этических произведениях. Была цель жизни, был осознанный долг, была способность управлять своими желаниями и страстями, даже своим организмом. Был характер. Была доброта» [4, 164]. Убеждения и поступки Канта стали ориентирами для формирования классического образа профессора, с разной степенью убедительности проявившегося во многих реальных людях и литературных персонажах.

Согласно наиболее распространенным стереотипам массового сознания, профессор обладает исключительными, энциклопедическими в своей области познаниями. Кроме того, он отличается нешаблонным мышлением (нередко эта нешаблонность подчеркивается его эксцентричностью, если не сказать чудаковатостью; вспомним, например, канонический образ А. Эйнштейна с высунутым языком или доктора Эмметта Брауна в актерском исполнении Кристофера Ллойда).

Обычно профессор – это человек, который, отказавшись от многих удовольствий жизни, потратил свою молодость на изучение науки (как правило, из-за этого он не имеет полноценной семьи, крайне рассеян и беспомощен в повседневной жизни – таковы, например, классические литературные образы Жака Паганеля у Жюль Верна или Тимофея Пнина у В.В. Набокова).

Профессор последовательно ориентирован на достижение истины, а не выгод или наград. Он готов работать над серьезными научными проблемами, не требуя никакого вознаграждения, кроме минимума материальных благ, нужного для выживания и покупки исследовательского оборудования. (Надо сказать, что это одно из немногих представлений об идеальном профессоре, которое находит

свое массовое подтверждение. Когда наука в нашей стране оказалась невостребованной, а вознаграждение за работу в системе образования стало мизерным, многие профессора продолжали и продолжают работать ради идеи). Если не форму, то дух морального характера профессии точнее всего передают действия математика Г. Перельмана, доказавшего гипотезу Пуанкаре. Для общественного мнения сам факт доказательства оказался не так важен, как отказ Перельмана от миллионной премии. Этот отказ, необъяснимый в рамках представлений обыденной жизни, вполне вписывается в представления о «настоящих профессорах» – гениальных, эксцентричных, странных и способных легко отказаться от денег и наград. Эта нарочитая неангажированность еще и основание независимости профессора, залог объективности, взвешенности, справедливости его оценок. Профессор – это не только представитель интеллектуальной элиты общества, но и высокий моральный авторитет.

Традиционно теоретические представления о нравственности и образцы морального поведения задавались основателями религиозных учений, пророками. После Сократа, роль «учителей жизни» приняли на себя крупные философы. Начиная с Канта, наиболее влиятельные моральные жизнеучения формируются, как правило, не в храмах и не на агорах, а в профессорских кабинетах Кенигсберга, Базеля, Санкт-Петербурга, Страсбурга, Парижа и прочих университетских городов мира. В этом смысле изучение морального характера профессора – важный ключ к пониманию особенностей морали Нового времени.

В контексте процессов, происходящих сегодня в России и мире, классическая миссия профессорства оказывается все менее востребованной как в университетах, так и в обществе в целом. Моральный характер профессора становится уходящей натурой. Судя по всему, этот кризис в этике профессора является следствием глобальных социальных и культурных трансформаций, в результате которых ведущие моральные характеры Нового времени сходят с исторической сцены.

В XX столетии наблюдается повсеместный отказ от ряда этических принципов Гиппократов в медицине. Совершение аборта врачом давно стало нормой, постепенно превращается в норму и участие врача в эвтаназии. Конечно, существуют достаточно убедительные аргументы в пользу аборта, эвтаназии и многих других морально сомнительных действий, однако принятие этих аргументов в качестве руководства для действия разрушает моральный фундамент профессии врача, а значит и респектабельность профессии. В итоге

врач из морального авторитета все больше превращается в технического специалиста, обслуживающего интересы клиента.

Массовизация, коммерциализация, бюрократизация образования привела к тому, что на первое место в системе оценки эффективности педагогического труда вышли формальные критерии – количество правильных ответов, скорость выполнения задания, призовые места на конкурсах и олимпиадах и т.д. Отношения между учителем и учеником становятся сугубо утилитарными: первый должен обучить второго правильно отвечать на стандартные вопросы тестов, второй – обеспечить первому «высокий рейтинг обученности». Поскольку человеческий фактор в системе образования минимизируется, моральное качество отношений учителя и ученика не принимаются во внимание.

Все более скептическим становится отношение к моральному характеру ученого, поскольку подвергается серьезной переоценке система воззрений, стоящая за ним. Целью классической науки было умножение объективного знания о мире, которое воспринималось как самоценность, не требующая дальнейшего этического обоснования. Последнее столетие продемонстрировало, что знание без дополнительного морального контроля может быть опасным. Чем весомее оказывается научная мощь, стоящая на службе человечества, тем сложнее оказывается ее контролировать. Уже сегодня оружия массового поражения, накопленного на планете, достаточно, чтобы уничтожить человечество. Все более вероятными представляются сценарии экологической катастрофы. Соответственно в обществе усиливается уверенность в том, что научно-технический прогресс в долгосрочной перспективе ведет совсем не к улучшению жизни, а напротив – увеличивает шансы его гибели. Вера в прогресс сменяется «эвристикой страха» [6].

Усиливающееся недоверие к науке, страх перед ней, изменяют представления об ученом в массовой культуре. Если в литературе XIX века он описывался как специалист, способный решить любую, даже невозможную проблему, то сегодня самым популярным клише в кинематографе стал образ безумного ученого – сумасшедшего гения, каждый раз ставящего мир на грань гибели.

Ученому сегодня недостаточно сослаться на истинность знаний как на последнюю инстанцию. Ему нужно доказать, что использование этих знаний потенциально не несет морально значимых угроз (то есть не нарушить своими действиями принцип предосторожности).

В моральном характере профессора не только синтезируются и усиливаются черты многих других характеров, но и гипертрофируются их проблемы и недостатки. Массовизация, коммерциализация и

бюрократизация высшего образования обесмысливают и обесценивают его труд, а только лишь бескомпромиссное стремление к истине уже не кажется достаточным обоснованием его деятельности. Она должна быть полезна для общества или конвертироваться в деньги: возникает стремление к усилению контроля над профессурой.

В этой ситуации профессура, видимо, способна существовать как профессиональная группа, но уже не как особый моральный характер. Без четких ценностных оснований, в условиях внешнего управления профессор не имеет возможности формулировать цели своей деятельности и вынужден концентрироваться только на эффективных средствах и техниках достижения целей, поставленных государством и рынком. Возрождение морального авторитета профессуры возможно только при условии сохранения пространства академической свободы, в котором она могла бы обговаривать и самостоятельно формулировать цели и задачи своей деятельности.

Список литературы

1. *Апресян Р.Г.* Донжуанизм: ценностные установки, предпочтения, повадки // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 3. С. 5-15.
2. *Бакштановский В.И., Богданова М.В.* Этика профессора: «внеалиби-бытие» (замысел проекта) // Ведомости прикладной этики. 2011. № 39. С. 15-27.
3. *Беляева Е.В.* Этика профессора этики // Там же. С. 99-109.
4. *Гулыга А.В.* Кант. М.: Молодая гвардия, 1981. – 303 с.
5. *Гусейнов А.А.* Великие пророки и мыслители. М.: Вече, 2008. – 484 с.
6. *Йонас Г.* Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
7. *Лосев А.Ф.* Диоген Лаэртский и его метод // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 3-54.
8. *Макинтайр А.* После добродетели. Исследования теории морали. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 384 с.